

Альберт Иванов

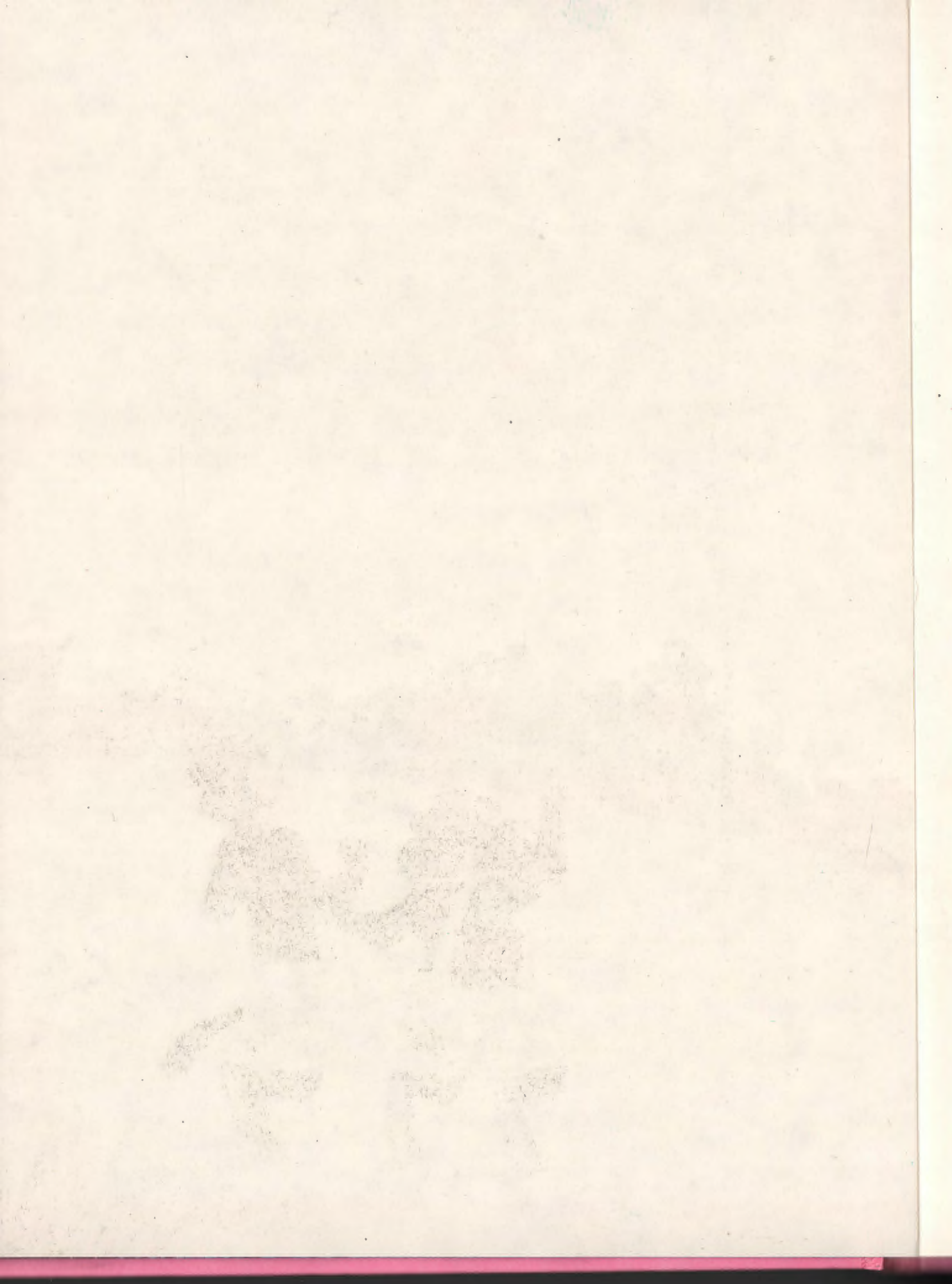
СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА

Хомы и Суслика

Альберт Иванов

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА Хомы и Суслика

Минская фабрика цветной печати
1998

УДК 882-93
ББК 84(2Рос-Рус) 6
И20

Художник *А. Бушкин*

Иванов А. А.
И 20 Счастливая звезда Хома и Суслика/ Худож. А. Бушкин. —
Мн.: «МЕТ», 1998. — 80 с.: ил.

В книгу известного писателя вошли новые сказки про весёлого хомяка Хому и его друга Суслика, их друзей и врагов. Эти добрые забавные наивные герои давно полюбили читателя.

Какие только приключения не происходят с неразлучными друзьями в новой книге! Отважный Хома не раз отправится в опасный путь: на поиски похищенного Суслика, на выручку Зайца и на неравную борьбу с чародеем Кабаном, с хитрой Лисой, с зубастым Волком, с могучим Медведем. Хома найдёт свою счастливую, упавшую с неба Звезду и подарит ее неуклюжему Зайцу-толстуну на счастье — маленький смешной чудак.

Эти удивительные истории публикуются впервые.

УДК 882-93
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 985-6008-78-6

© Минская фабрика цветной печати, 1998
© Издательство ООО «Мет», 1998
© А. Иванов, 1998
© Оформление. А. Бушкин, 1998

КАК ХОМА КОЛДОВАЛ

Такое не от всякого ожидать можно. Живёт себе, живёт какое-то обычное существо, зверь зверем, и вдруг оказывается — колдун!

И без того всяких страхов хватает. Так и заболеть можно с испуга.

Не было печали, пришлый Кабан вдруг себя колдуном объявил. И не простым гадателем-ведунуном, а чародеем-заклинателем!

— Я, — говорит, — долго свои чары скрывал, а теперь вы все у меня попляшете!

Первым сдался могучий Медведь. Кабан ему зловредно наворожил, что его вскоре из берлоги выживут. Так, мол, и выпрут.

— Кто? — мрачно спросил Медведь.

— Кое-кто, — загадочно ответил Кабан.

И верно. Житья в берлоге внезапно не стало — от муравьёв. Ни сна, ни отдыха. Залезут в шерсть и беспрерывно щекочут.

Кому смешно, а Медведю тяжело. Пришлось срочно переселяться в другое место. А прежнюю удобную берлогу сам Кабан занял. Муравьи его не щекотали. Он их всех подчистую метлой за порог вымел. И страшную судьбу им всем предсказал:

— Вернётесь, передавлю поодиночке!

Говорили, что Кабан нарочно Медвежьи хоромы кленовым сиропом обрызгал. Чтоб туда муравьёв привадить. Но попробуй проверь, докажи!

Во всяком случае, Медведь даже не пытался. Он был доволен и тем, что в новой, пусть и плохонькой, берлоге мог спать спокойно.

Затем Кабан подчинил себе Волка, запугав его жутким заклинанием:

— Хрю-хрю-хрю! Ох-ох-ох! По-смот-рю: сдох-сдох-сдох!

Перепуганный Волк враз запросил пощады.

— Так-то,— довольно хрюкнул Кабан.— Будешь у меня на страже стоять, пока я сплю-почиваю.

Лису он тоже не обошёл своим колдовским вниманием.

— Будешь от меня веткой мух отгонять,— приказал он.

— А вы их заколдуйте,— осторожно посоветовала хитрюга Лиса.

— Их много, а ты одна,— ухмыльнулся Кабан.— Я лучше тебя заколдую.

— Что вы, что вы!— струсила она.

— Начинаю.— И он начал:— Ли-са, Ли-са, летит оса! Сосна и ель, несётся шмель...

— Ой, не надо!— пала она на колени.

— Тогда ветку бери,— сжалился Кабан.— Не видишь, что ли, мухи надоели?

И всем остальным зверькам он тоже нашёл занятие: велел для него жёлуди и орехи собирать. Да побольше!

Поначалу и они не хотели признавать Кабана своим владыкой.

Однако он страшное заклятие произнёс:

— Хухры-мухры, хрю-хрю-мухрю, хри-хри-мухри! Раз-два-три — тартарары!

И зловеще предупредил:

— Захочу, и весь луг, и вся роща, и всё поле под землю провалятся — в тартарары!

Тут уж все взмолились:

— Не надо! Будем слушаться!

И зажил Кабан в своё удовольствие — в просторной Медвежьей берлоге. Волк его покой охранял. Лиса от него мух отгоняла. А остальные зверьки ему еду носили.

Один только Хома взбунтовался. Всё, что собирал, сам съедал — с двойным аппетитом. И за себя, и за новоявленного правителя.

Вообще-то Хома верил в колдовство, но только не в колдовство Кабана. Он считал, что такой тупой боров не может быть чародеем.

А друзья — Суслик, Заяц и Ёж — всё равно боялись.

— Вон как все ему подчиняются! — говорили они. — Даже Волк, Лиса и Медведь слушаются!

Напрасно друзья убеждали Хому не лезть на рожон.

— Не дразни ты его, он злопамятный, — твердил Суслик.

— Не выводил ты его из себя, — бубнил Заяц-толстун.

— Не связывайся ты с колдуном, — настаивал Ёж.

— Да я сам колдун! — однажды вспылил Хома. И гордо скрестил на груди лапы.

Друзья так и отшатнулись от него.

— Шутишь? — неуверенно сказал Ёж.

— Смеёшься? — пробормотал Заяц.

— Не шутит и не смеётся, — боязливо приглядывался Суслик. — Как памятник — на кладбище.

Вид у Хома и правда был величественный.

— А думаете, почему я вашего чародея не слушаюсь? — важно спросил он. — Все слушаются, а я — нет!

Это на них подействовало. Действительно, почему?

— Да потому, что я сам колдовать умею!

Но тут выступил вперёд Ёж:

— Тогда скажи какое-нибудь заклинание.

— Только не слишком опасное, — сразу предупредил Суслик.

— Ты-то и от любого упадёшь, — пренебрежительно сказал Хома.

— Упаду, — быстро согласился Суслик. — Поэтому полегче выбирай.

— Ну? — поторопил Ёж.

Заяц закрыл глаза, а Суслик заткнул уши.

— Бахры-махры-вахры, хрясь-брясь-дрясь!— внушительно произнёс Хома первое, что пришло на ум.— Вурр-мурр-луврр-триампúрр!— с раскатами завыл он.— Вагра́у-мурсо́, тигра́у-барсо́, абра́у-дюрсó и ДУРЬДАПОЛБАМ!

Суслик, неосторожно отнявший от ушей пальцы, так и обмер.

— Дурьдаполбам,— заворожённо вымолвил он. И затем бесчувственно шлёпнулся — возле побелевшего как полотно Зайца.

А старина Ёж в ужасе свернулся в клубок.

— Батюшки мои!— глухо простонал он.— Ещё один колдун! Прямо поветрие какое-то. Ветруха.

— Ведите меня в рощу,— свирепо скомандовал Хома.— Я вашего чародея в пух и прах разделаю!

Они заявили в рощу как раз к полному сбору.

Кабан сладко дремал. Волк стоял на страже. Лиса мух отгоняла. Медведь почтительно ожидал с какой-то просьбой. А белки, мыши, кроты и другая мелкота суетливо складывали жёлуди. В огромную кучу.

— Где Кабан?— раскричался Хома.— Кабана подайте!— будто не видел, что он перед ним.— Пусть все слышат!

— Кто? Что? Зачем?— раскрыл Кабан заплывшие глазки.— А-а, последний пожаловал,— довольно захрюкал он, увидев Хому.— Я тебя в наказание Лисе подарю.

— И не стыдно вам этого хряка слушаться? — сердито указал на него Хома. — Ну какой он колдун? Да он и заклинаний-то настоящих не знает!

— Я — не знаю? — возмутился Кабан и прохрипел: — Хухры-мухры, хрю-хрю-мухрю, хри-хри-мухри! Раз-два-три — тартарары! Ну что, продолжить?

Все в страхе попятились. Один Хома остался на месте.

— Расхрюкался, — засмеялся он. — Раз-два-три, рыло утри! И это заклинания? А вот теперь держитесь. Бахры-махры-вахры, хрясь-брясь-дрясь, ву-у-рр, му-у-рр, гу-у-рр! — громко провыл он с раскатами так, что даже Волк коротко взвыл.

Все затрепетали и отступили ещё дальше.

— Абрау-дюрсо, ваграу-мурсо, тиграу-барсо и ДУРЬДАПОЛБАМ!

Все чуть не упали от заклинания. Случайно прилетевший на сборище Коршун пошатнулся на ветке. А вездесущая Главная Ворона забилась в истерику.

— Дурьдаполбам, — помертвевшими губами пробормотал Медведь. И сел на муравейник.

— Ему бы на стадионах перед сектантами выступать, — пришла в себя наторелая Главная Ворона.

Кабан загнанно смотрел на Хому:

— Ты... всерьёз? — У него поджилки тряслись.

— А ты думал! Это ещё только начало, — многообещающе заметил Хома.

Он подошёл к Лисе и резко вырвал у неё клочок шерсти.

— О-ёй! — вскрикнула она.

Хома подкинул шерстинки в воздух, и они поплыли по ветерку.

— Могу смерч вызвать, ураган, бурю, пожар, наводнение, землетрясение! — И вновь закричал: — Чарры-марры, варры-гарры, шурры-мурры! Деньгуналап, горохожор, брехломурло! И-и-и-и... собаколай! — добавил он, услышав отдалённую собачью перебранку в деревне.

Кабан-колдун повёл себя совсем не по-чародейски. Он втянул голову в плечи и беспомощно заморгал своими свиными глазками.

— Ну, я вам сейчас наколдую. Я на вас всех собак понавешаю! — вдохновенно воскликнул Хома. — Гав-гавкало, брех-брехало, тяв-тявкало, лай-лайкало! Бухыкало-тряхикало, убегакало! — И проорал: — ДУРЬДАПОЛБАМ!

— А-а-а! — с душераздирающим криком вскочил с муравейника Медведь. И, отряхиваясь от муравьёв, которые наконец-то достали его, бросился прочь.

Это послужило сигналом ко всеобщему бегству.

— Спасайтесь! — на ходу вопила Лиса, прислушиваясь к собачьему лаю. После громогласного Медвежьего вопля собаки в далёкой деревне словно взбесились.

— Во как подействовало!—
поразился сам Хома.

Всех будто ветром сдуло. Последним удрал Кабан, затравленно оглянувшись на Хому.

— Это тебе не хухры-мухры,— крикнул ему вдогонку Хома,— а дурь да по лбам!

Так бесславно рухнула власть пришедшего Кабана.

Но особенно стыдно стало всем, когда Хома потом признался, что подшутил над ними.

Все были готовы сквозь землю провалиться. Вместе с рощей, лугом и полем — в тартарары!

— Эх,— жалел Суслик,— зря ты проболтался. Правили бы сейчас над всеми.

— Правили или правил?— с интересом спросил Хома.

— Правили.

— Кто?

— Да мы с тобой,— доверчиво сказал Суслик.— Кто твой друг и сосед?

— Гляди у меня друг, а то я тебе такое по-соседски накличу!— пригрозил Хома.

Суслик вздрогнул.

— Ты же признался, что колдовать не умеешь.

— Не умел,— подчеркнул Хома.— А сейчас особую силу почувствовал. С тобою-то вмиг слажу.

Вот и верь ему теперь, умеет он колдовать или нет. Может, лишь простачком прикидывается. Вдруг передумает и опять закричит: «ДУРЬДА-ПОЛБАМ!»

Тогда давай только ноги уноси.

Так вот живёшь, живёшь и не знаешь, кто на самом деле твой друг. С колдунами шутки плохи.

КАК ХОМА И КАБАН НАД ЛИСОЙ ХОХОТАЛИ

Напрасно Хома полагал, что победа над Кабаном легко сойдёт ему с лап.

Заколдовать его пришлый Кабан, конечно, не мог. Особенно теперь. Способности не те. А вот подкараулить в тёмном закоулке рощи — на это он был способен.

Сильно на Хому Кабан обиделся. Да что там обиделся — возненавидел! Всё время искал случая отомстить.

И подстерёг-таки. Напал однажды и припёр к дубу: Хома меж клыков очутился. Как в западне. Ни вперёд — ни назад. Ни вниз — ни вверх.

А прямо перед ним свирепое рыло. В упор Кабан дышит — у Хома шерсть дыбом встаёт. То встаёт, то опадает.

А глазки у Кабана — красные-красные. Точно раздутые угли.

— Попался! Посмотрим, как тебя твоё колдовство выручит!

— Не понимаю, чем я тебе не угодил, — храбрился Хома.

— Издеваешься? Да я из-за тебя всю власть потерял!

— Скажи спасибо. Я тебя от всех забот избавил,— горячо оправдывался Хома.— У властителей жизнь не сахар. О подданных заботиться надо: корма запасать, жильём обеспечивать, судить, мирить, хвалить, наказывать — всё на тебя одного бы свалилось!

Такие хлопоты Кабану и в голову не приходили. Но он мрачно ответил:

— А я бы не стал ни о ком заботиться.

— Тогда бы все погибли,— пригорюнился Хома. — И прощай, власть!

— А чего же они сейчас не погибают?— недоверчиво пробурчал Кабан.

— Сейчас все сами о себе заботятся. Правителя нет.

Задумался Кабан. Действительно, зачем такая власть, если с ней столько забот?!

Хома не мог позволить ему долго раздумывать.

— Слышь, а откуда ты тех заклинаний набрался?— уважительно спросил он.

— От мамы своей,— вздохнул Кабан, продолжая крепко удерживать пленника.— Она меня ими запугивала, когда я плохо ел.

— Ты? Плохо ел?— искренне удивился Хома.

— Маленький был, полосатый, глупый,

— Не то, что теперь,— польстил ему Хома.

— А ты откуда такие страшные заклинания взял? Дурьдаполбам!— припомнил Кабан. Его даже затрясло.

А Хому от него затрясло.

— Т-тётушка,— проклацал зубами Хома,— меня ругала, что много ем. Заклинала есть поменьше.

— Ты? Много ел?— поразился Кабан.

— Маленький был, глупый,— повторил Хома его слова.

— Ты и сейчас маленький, но вредный,— вновь обозлился Кабан.— Раздавлю. Так меня опозорил!

— Такого большого и клыкастого не опозоришь,— уверенно возразил Хома.— Это меня можно опозорить, а тебя — никогда. Скажи, что не правда?

— Правда. Но...

— Если ты всех, кто тебя уважает, давить будешь, никого не останется,— гнул своё Хома.

— А разве ты меня уважаешь? Ты же меня не любишь!

— Я тебя уважаю, но не люблю,— хитро сказал Хома.

— Как?— хрюкнул Кабан.

— Я тебя уважаю как украшение рощи,— разъяснил Хома.— Без тебя бы она вмиг обеднела. Все в роще есть: Медведь, Волк, Лиса. А представь себе — Кабана нет!

— Не могу представить,— признался Кабан.

— И я не могу. Даже поругаться не с кем. И вообще я не прав,— понесло Хому,— я тебя, навер-

ное, больше люблю, чем уважаю. Только сейчас понял!

— Э-э, вот я тебя и подловил,— засиял Кабан.— Разве ссорятся с теми, кого любят?

— А как же! Кого любят, с теми и ссорятся, ругаются, ничего не прощают!

— Похоже...— протянул Кабан.— Я папашу своего очень любил и всё время с ним ссорился, а то и дрался. Да и мамаша моя души в нём не чаяла, а никогда ему спуска не давала.

Счастливые воспоминания растрогали Кабана. Он неожиданно выпустил Хому и сел под дубом.

И хотя Хома мысленно был уже дома, он благо-

разумно решил остаться. Ну, удержись. А потом снова ходи и вздрагивай!

Хома уселся рядом с ним.

Это ещё больше расположило к нему Кабана. Не хнычет, не выкручивается. Не убегает, наконец. Может, и впрямь к нему, Кабану, по-своему хорошо относится.

— Ну, допустим, — задумчиво начал Кабан, — допустим, ты не врёшь. А вот не уважаешь меня за что?

— За хамство, — выпалил Хома. И чуть не зажмурился от страха.

Но Кабану понравилась его смелость.

— Бывает, — ухмыльнулся он. — Папаша мой незабвенный, хам из хамов, то же самое говорил: «И в кого ты таким хамом уродился, хамло!»

— Может, смеялся? Шутил?

— Никогда! — заверил Кабан. — И я тоже никогда не шутил. Ни разу в жизни, — пожаловался он. — Сам не шучу, шуток не понимаю и вообще не смеюсь.

— Всё от питания зависит, — понимающе произнёс Хома.

— Ну!

— Жёлуди, они какие? Твёрдые, крепкие. И ты такой же. У тебя твёрдый нрав.

— Твёрдый, — охотно поддакнул Кабан.

— Тебе бы помягче быть, — посоветовал Хома.

— Не выходит.

— А если постараться? — настаивал Хома.

— Попробую, но не обещаю.

— И то хорошо.

— А ты надо мной никогда не смейся, — строго предупредил Кабан.

— Не обещаю, но попробую.

— Что? — внезапно расхохотался Кабан. — Я ему: «Попробую, но не обещаю». А он мне: «Не обещаю, но попробую». Ха-ха-ха!

— А говорил, шуток не понимаешь, — подмигнул Хома.

— Первый раз в жизни понял, — вытер слёзы Кабан. — Крепко шутишь! Хорошо, что я тебя пощадил. Иди гуляй, пока я добрый.

И хохоча направился в чащу.

— Надо же! — ликующе повторял он. — Не обещает, но попробует. Надо бы запомнить.

Однако правильно говорят, что беда не приходит одна. На смену одной зачастую набегает другая.

Не успел Кабан за деревьями скрыться, как кто-то цепко схватил Хому за шкурку.

Глянул он и обомлел — Лиса!

— Ко мне! — истошно закричал Хома.

Мигом вернулся Кабан. Как вихрь налетел.

— А ну, отпусти, — наставил он клыки на Лису. — Не смей моего веселого дружка огорчать!

Лиса поспешно выпустила добычу:

— С каких это пор — дружка?

— С сегодняшнего дня!

— Шутишь? Отдай его мне, — потребовала Лиса.

— Шучу, — опять затрясся от хохота Кабан. — Тебе отдать? Попробую, но не обещаю. Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха, — развеселился Хома.

— Тронулись, — повертела Лиса лапой у виска.

— Ага, — давясь от смеха, кивнул Хома. — Тронулись в путь — домой. А не умом тронулись.

— В путь тронулись, — слёзы вновь хлынули из глаз Кабана, — а не умом тронулись! — загоготал он и от восторга даже подпрыгнул. — Да она, злодейка, шуток не понимает!

Он вгорячах схватил Лису, вытер её пушистым хвостом слёзы и отшвырнул злодейку в сторону.

— Сейчас лопну! — надрывал животики Хома.

— А что, я пошутил, да? — удивился Кабан.

— Ты её... хвостом... свои слёзы вытер, — еле вымолвил Хома.

— Я? Хвостом? — залился смехом Кабан. — Она его теперь сушить будет.

— Три дня, — простонал Хома.

— Три дня — что? — не понял Кабан.

— Сушить три дня!

— Вот дура. Ха-ха-ха! — загрохотал Кабан. — Ну, умора!

Лиса с ненавистью поглядела на них.

— Гы-гы-гы, — передразнила она.

— Ой, умру, — повалился со смеху Кабан. — Уходи с глаз долой. Ум-м-моляю!

Лиса гордо фыркнула и независимо удалилась.

Когда они насмеялись всласть, до икоты, Кабан восторженно проводил Хому до самой норы.

На прощанье Кабан сказал:

— И все-таки надо мной не смейся.

— Там видно будет, — беззаботно ответил Хома и добавил: — Особенно ночью.

— Не могу, — вскричал Кабан. — Ох-ха-ха... Особенно ночью!

И, пошатываясь, побежал обратно в рощу. Чтобы там успокоиться.

Когда Хома рассказал Суслику о своих приключениях, тот укоризненно заметил:

— Выходит, ты обманул, что любишь его, но не уважаешь.

— Ни капельки. Я всех живых люблю. И друзей, и врагов. Без врагов жить скучно. Помнишь, как я Коршуна выручил? — И Хома взглянул на огорченного Суслика. — Но друзей я люблю больше.

— Намного? — засиял лучший друг.

— Вот на столько, — широко раскинул лапы Хома.

— На два дружеских объятия больше! — весело определил Суслик.

КАК ХОМА ДРУГИМ ЯМЫ РЫЛ

Никак не мог Хома понять одну странную пословицу: «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь».

— Как же я в неё попаду, — доказывал он Суслику, — если я о ней знаю? Если сам выкопал!

Но Суслик убедительно возражал:

— Раз такая пословица есть, значит, она верная. Иначе бы давно её забыли.

— Не понимаю, — упорствовал Хома.

Не давало ему это покоя. Потому и пришлось срочно за дело взяться.

Вырыл он яму тайком. Для проверки.

Замаскировал как следует. А сверху гороховый стручок положил.

И ничего удивительного не было в том, что в яму Суслик угодил.

— Ну, убедился? — сказал Хома, вытаскивая лучшего друга. — Кто попался, я или ты? Я рыл, а ты рухнул. Нет, неправильная пословица.

Суслик выплюнул стручок вместе с землей и проворчал:

— А ты снова проверь. Я случайно попался. В пословице ничего о приманке не сказано.

— Но и против неё ничего не сказано, — возразил Хома. — Я мог и без приманки яму сделать. Прямо у твоего порога. Так бы и ухнул в неё с утра! Ты, а не я, — упрямо повторил он.

Затем Хома вырыл потайную яму побольше. Для наглядности.

Так в эту яму Заяц попал. Тоже на приманку польстился — на морковку.

Потом Хома третью скрытую яму выкопал, ещё бóльшую. На тропинке между норами Суслика и Ежа. И безо всякой приманки. Для бесспорности.

В неё с ходу Ёж и Суслик сверзились. Сначала Ёж, а Суслик следом. Ох, как лучший друг завопил, когда на Ежа свалился!

— Понаделал повсюду ям, — орал он, — проходу нету!

Вытащил их Хома. И беспокойно задумался: «Ну, даже и огромную ямищу сделаю. Сам не сумею, знакомых кротов позову. И что? Лиса провалится. Или Волк. А то и Медведь загремит. Всё равно же не я туда попаду!»

Пришёл он к Суслику. А тот сидит и из себя ежиные иголки выдёргивает.

— По-моему, Ёж линяет, — сердито сказал лучший друг.

— Когда линяют, шерсть лезет.

— А у него — иголки, — буркнул Суслик.

— погоди. Давай-ка всё же разберёмся в этой пословице. Как там? «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь». Так?

— Так, так,— заскрипел зубами Суслик, продолжая вытаскивать иглы.— Тебе бы не ямы, а могилы копать!

— Не ной. Попробуем эту пословицу понять. Выходит, чтобы не угодить в яму, надо не рыть её другому. Да?

— Да, да,— скрежетал зубами Суслик.— Себе рой.

— Ясно!— воскликнул Хома.— Чтобы другие в яму не попали, нужно её копать для себя.

— Для себя и копай!— взревел Суслик.

— Спокойно,— сказал Хома.— Будь попроще. Продолжим: что из пословицы получается?

— Ёж на дне ямы — вот что!— язвительно ответил Суслик.— Больше ничего не получается.

— Отстань. Из пословицы следует,— напористо продолжил Хома,— если сам себе выроешь яму, другие в неё не попадут. Видишь? Себе яму! Проверить бы,— озаботился он.

— А зачем?— неожиданно удивился Суслик, даже про боль забыл.— У тебя уже яма есть.

— Где?

— А твоя нора? Глубокая яма!

— Ну-ну-ну?— заволновался Хома.

— Ты в свою нору давно угодил. Сам выкопал, и сам угодил.

— И я её не другому рыл. Всё сходится. Голова у тебя варит,— похвалил Хома лучшего друга.

Столько времени, столько трудов и сил потрачено, а такой простой ответ! Да и то его Суслик дал.

— Ну кто прав? — зычно спросил Суслик. Голос у него всегда крепчал, когда он чувствовал свою правоту.

— Пословица-то про яму — правильная, но не совсем. Была бы пословица поточнее, не пришлось бы мне ямы рыть, а тебе — на Ежа падать, — посочувствовал им обоим Хома.

— Ты себе всегда что полегче выбираешь, — вскрикнул Суслик, со свистом выдёргивая последнюю иголку.

— Глянь на мозоли, глянь, — вытянул лапы Хома. — Кто ямы делал?!

— Глаза бы мои на тебя не глядели, — отвернулся Суслик.

— Ведь что получается, — опять принялся за своё Хома, — если другому яму копаешь, сам в неё ни за что не свалишься. Проверено. На тебе. А если себе копаешь, сам в неё попадёшь. Верно?

— Давай покороче.

— Пожалуйста. Пословица должна быть ясная: «Рой себе яму, сам в неё попадёшь», — чётко сказал Хома.

Так-то и впрямь точнее. Кто только не роет себе яму в жизни, кто только в неё не попадает!

Даже у Медведя такая берлога — ахнешь!

КАК СУСЛИК ЦВЕТЫ ОБИДЕЛ

— **К**акая красота!— взглянул Хома на ромашку. Она прямо возле его норы удачно выросла.

— Думаешь, ромашки — красивые?— с сомнением сказал Суслик.

— Очень!

— Ну, пусть красивые. Но не очень,— заупрямился Суслик.

— Очень-очень,— настаивал Хома.

— А толку? Никакой пользы от их красоты.

— Глаза радуют.

— Кому как,— пренебрежительно заметил Суслик.— Да только ничего хорошего от них не жди.

— Здрасьте! А кто пчёл и шмелей кормит? Они лишь на красивые цветы садятся.

— Есть захочешь, на любую колючку сядешь,— стоял на своём Суслик.— И не уговаривай, лишняя у них красота, зряшная. Ни на что не пригодная.

— И у васильков?

— Никакого от них толку.

— И у ландышей?

— Никакого!

— И даже у лесных фиалок?

— Нету, — твердил Суслик. — Вся их красота никому не нужна. Баловство. Лишь бы понапрасну красоваться.

— Глупый ты, — не выдержал Хома.

— Но не настолько, чтобы на них зазря пялиться, — напыщенно проговорил Суслик. — Для меня некрасивый укроп куда вкуснее любого распрекрасного цветка!

— При чём тут красота? — накалялся Хома.

— Я и говорю — ни при чём, — ухмыльнулся Суслик.

Хома схватился за голову. Словно убедиться хотел, на месте ли она. Лучше бы проверил, на месте ли глаза у Суслика. У него особое зрение. Его глаза радуется только то, что съесть можно.

Так бы ничем и закончился спор, если бы случай не помог.

Отправились как-то Хома и Суслик через всю рощу на Дальнее поле. И вдруг на них Лиса выскочила!

А они вместо того, чтобы разбежаться кто куда, бросились вдвоём в чащу. Лисе даже не пришлось выбирать, за кем гнаться. А так хоть один да непременно бы уцелел. И то утешение. Для того, кто бы сразу спасся.

Несутся они бок о бок, шныряют меж деревьев. Лиса за ними. Вот-вот схватит — обоих.

И тут выскочили они на потаённую, нехоженую лужайку. Да какую! Сплошь покрытую кипенно-белыми ромашками! Казалось, вся полянка превратилась в один огромный ослепительный кружевной цветок!

Все невольно замерли. И Лиса, и Хома, и Суслик.

Беглецы, понятно, очнулись от наваждения первыми. И дёру!

Конечно, и Лиса быстро опомнилась, но ведь даже упущенное мгновение не вернёшь. Хома и Суслик успели скрыться.

— Вот красотища так красотища! — восхищённо вспоминал потом Суслик. — Лиса и то остолбенела. Чудом спаслись!

— А ты говорил, красота бесполезна, — вздохнул Хома. — Это чудо нас чудом и спасло! Ты обидел цветы, а они тебя выручили.

— Правда, — не сразу признал Суслик. — Если б на полянке цветов не было, нам бы конец. Ты уж извини, Хома, я и впрямь глупым бываю. Иногда, — подчеркнул он. — Ты это случайно подметил.

— Случайно? — прищурился Хома.

— Ну да. Я теперь понял: когда цветов много, от них большая польза. А если мало, то и толку чуть.

— Что? — взвился Хома.

И пошло-поехало!..

А одинокая ромашка, у норы Хома, смотрела на них и укоризненно покачивала своей прекрасной и, видать, умной головкой. Нашли, мол, о чем спорить!

Суслик внезапно остановился на полуслове, взглянув на ромашку, и смущённо сказал:

— Дождя давно не было. Полить бы её, что ли?.. Жаль, если такая красота зря пропадёт!

КАК ХОМА С МЕДВЕДЕМ ПОРОДНИЛСЯ

Обидел Хому как-то Медведь. Встретились они случайно на тесной тропинке, и он заорал:

— А ну, прочь с дороги, козявка!

Сам-то здоровый, все ему мелкотой кажутся.

Часто оскорблял Медведь Хому. То он у него «карлик», то «лилипут ходячий», то «мелочь пузатая». А то и вовсе «комар-пискун»! Разве можно такое выносить?!

Другой бы и на этот раз промолчал, ушёл в кусты. Но Хома слишком долго терпел.

— Нехорошо так к своему родственнику относиться, — упрекнул он Медведя.

— Родственнику? — неимоверно удивился Медведь.

— А ты у любого спроси — похожи мы или нет? И фигурой, и характером, и вкусом. Один к одному. Ты орехи любишь? — подмигнул Хома.

— Люблю...

— И я люблю. А молодой, сладкий горошек?

— Тоже люблю, — причмокнул губами Медведь.

— И я тоже. А мёд?

— Обожаю, — закатил глаза Медведь.

— И я обожаю. Мало тебе?

— Но это не повод ко мне в родичи набиваться, — опомнился Медведь.

— А я не набиваюсь. Что вижу, то и говорю, — степенно заметил Хома.

В общем, заспорили они. Да так, что Медведь

чуть не прихлопнул его лапой прямо на месте. На тропе.

Да всё-таки спор меж ними силою не решишь. И без того ясно, что Хома слабее. Вот если бы он здоровее был, можно было бы и

побороться. Кто победил, тот и прав. А у них не тот случай.

Пришлось им к чужой помощи прибегнуть.

Белок спросили, синиц, зябликов — похож ли Хома на Медведя? А если и похож, то как?

— Похож, — отвечали. — Но только отдалённо.

— Издали, значит, — пояснил Хома.

— А близко? — пробурчал Медведь.

— Похож, — опять отвечали. — Но лишь приблизительно.

— И вблизи, значит, — растолковал Хома.

Что ему и требовалось.

Затем он к большой луже Медведя подвёл. И показал на их отражения.

— Гляди. Как близнецы.

Взглянул Медведь, побряхтел и сказал:

— У тебя ушки сильнее торчат.

— Был бы ты меньше, они бы у тебя ещё больше торчали, — заявил Хома.

Весть об их странном споре повсюду разнеслась. Волк примчался. Лиса прибежала. И даже Кабан пожаловал. Бывший правитель в последнее время избегал при всех показываться.

— Съешь хомяка, и спору конец! — посоветовала Лиса Медведю.

— Хочешь, я за тебя съем? — разинул Волк зубастую пасть.

— Нет уж, — засопел Медведь. — А зубы свои убери, а то, я гляжу, много лишних.

— У меня лишних нет, они все считанные, — обиделся Волк.

— Были считанные, будут пересчитанные, — храбро сказал ему Хома. — Ты с моим родичем, Медведем, не очень-то цапайся!

— Опять он за своё, — всплеснул Медведь лапами. — Вот когда решим, тогда...

— И тогда я его съем, да? — захлопал в ладоши Волк.

— И тогда посмотрим, — дал ему затрещину Медведь. — Тебе же сказали — не лезь!

— У-у-у, — плаксиво завыл Волк. — Тебе бы так.

— Не смей моему родичу грозить! — топнул ногой Хома, снова вступившись за Медведя.

— Весь в меня! — засмеялся Медведь.

Все так и ахнули.

— Это я... пошутил, — смутился Медведь. — А ты что про наш спор думаешь? — внезапно обратился он к молчаливому Кабану.

— Не обещаю, но подумаю, — удачно, как ему казалось, ввернул Кабан. И расхохотался.

Медведь безнадежно посмотрел на него, и вдруг решительно направился к ручью:

— Пусть нас Выдра рассудит. Уж она-то всё знает: и на земле, и под водой.

Все гурьбой последовали за ним.

Выдру они не сразу нашли. Она испугалась такого нашествия.

В конце концов её удалось вызвать. Выдры страсть какие любопытные!

Медведь поведал ей обо всём и взмолился:

— Рассуди нас, а то, видишь ли, этот грызун мелкотравчатый, — сердито указал он на Хома, — мне проходу не даёт! — И пояснил: — Дорогу не уступает — малявка.

— А он, — кивнул на Медведя Хома, — всю дорогу меня оскорбляет. Все слышали.

— Разве может такой карапуз моим родственником быть? — негодовал Медведь.

Выдра внимательно поглядела на них и сказала:

— Сначала вы мне ответьте, пескарь и карп — родственники?

— Рыбы они, — рявкнул Медведь.

— Я не о том. Все мы тоже животные. Я о более близком родстве говорю.

— Сравнила карпа, — уважительно пробасил Медведь, — с пескарем, — насмешливо хмыкнул он. — Никакая они не родня!

— Как раз наоборот, — вежливо улыбнулась Выдра. — Пескарь — из семейства карповых.

— Ты намекаешь, что Хома — из семейства медвежьих? — разволновался Медведь.

— Вполне возможно. Пескарь — мелкий, карп — здоровый. И оба вкусные. Хома маленький, ты большой. А на вкус — не знаю.

— Этого ещё не хватало, — взревел Медведь. — Родню на вкус определять!

— Миша, — влезла в их разговор ушлая Лиса, — ну, предположим, вы родственники. А разве обязательно надо к родне хорошо относиться?

Ведь только на это и упирает наглый хомяк. Вот я своих родственников, конечно, не ем, но не перевариваю. А кроме того, ну-ка, Выдра, скажи, кто кому дорогу уступает: пескарь карпу или карп пескарю?

— Пескарь карпу, — честно ответила Выдра.

— Видишь! — возрадовалась Лиса. — Так почему же ничтожный хомяк требует от тебя почти-тельного отношения?

— Именно, — прибодрившись, буркнул Медведь. — Хотя... родня всё-таки.

— Но ведь карп пескаря в упор не видит, — вновь начала Лиса.

— Что карп? — гневно оборвал её Медведь. — У него кровь холодная. А я теплокровный. У нас, медведей, принято родичей уважать.

— Я его выручаю, а он ещё и противится, — раздражённо махнула хвостом Лиса. — Сам выкручивайся!

— Я выкручиваться не привык. Раз он мой отдалённый и приблизительный родственник, то... И Медведь умолк.

— То пусть его — меня, значит, — никто не трогает, — подсказал ему Хома. — Иначе будут иметь дело со мной — то есть с тобой!

— Пусть меня никто не трогает, — послушно повторил Медведь. — Тьфу! Пусть его никто не трогает. Слышали?

— Да как же так! — ошалела Лиса. — Я вот родственница собакам. Мы с ними из семейства волчьих. Правильно, Выдра?

— Правильно, — подтвердила она.

— А как ко мне собаки относятся? — горячо продолжала Лиса. — По-собачьи! А Волк? Мы с ним ближайшие родичи. А он у меня последний кусок вырывает!

— Свои семейные отношения утрясай сама, — отмахнулся Медведь, — а в мои не лезь.

— В твои? А кто приказал нам — Хому не трогать? — оскорбилась она. — Мы с ним не родственники.

— Тут ты права, — поскрёб Медведь когтями затылок. — Это ваши дела. А сам я с ним буду обходиться по-родственному.

На том всё и закончилось.

С тех пор медведи хомяков не трогают, не обижают. Зато лисицы... Но они из другого семейства. Волчьего.

— Ты что, правда, из семейства медвежьих? — благоговейно спросил потом Хому Суслик.

— Какая разница! — гордо ответил Хома. — Зубы есть? Есть. Мы все из одной семьи.

— Какой?

— Из большущей семьи грызунов. Поэтому надо поменьше между собой грызться. И дорогу тем, кто слабее, уступать.

— И не унижать маленьких, — подхватил Суслик. — Кыш, козявка! — И сбил щелчком с плеча крохотную мошку.

— Весь в Медведя, — тяжело вздохнул Хома. — И, стало быть, в меня.

КАК ХОМА СУСЛИКА У ВОЛКА КУПИЛ

Нашёл Хома однажды монету в поле. Новенький, блестящий рубль.

Суслик над ним только посмеялся:

— На рубль мало чего купишь. Теперь копи. Ходи, высматривай. Может, ещё найдёшь.

А Хома невозмутимо ответил:

— Неважно, сколько у тебя денег. Важно, как их потратишь. Это ещё тётушка моя говорила. А она-то во всём знала толк.

— Вот и береги свою монету, — продолжал насмехаться Суслик. — Может, пригодится.

Легкомысленный он, Суслик. Несерьёзный. Всё ему хиханьки да хаханьки. А деньги — это деньги.

У них в роще только один богач был, да и тот — Волк. Упорно ходили слухи, что он уже 4 (четыре) рубля скопил. И неудивительно. Повсюду рыщет, чем бы поживиться. Мог бы и больше найти с такими замашками...

Правильно говорят, что Волка ноги кормят. Они у него длинные, быстрые. Куда не пойдёшь, везде можешь с ним, окаянным, встретиться. А

там уж как повезёт. Ему
или тебе. Раз на раз не приходится!

В этот раз не повезло Суслику. Волк его врас-
плох на поле гороховом захватил.

Объелся Суслик молодым, сладким горош-
ком, отяжелел и заснул в тенёчке. Лежит себе,
прохлаждается.

Тут-то Волк его и сцапал, тёпленького-про-
хладненького. И в логово своё унёс. Там ещё про-
хладней.

Хорошо, хоть сразу не проглотил. Сытый был
Волк, на ужин добычу оставил.

Весть о том, что Волк поймал Суслика, быстро

повсюду пролетела. На чёрных крыльях Главной Вороны.

— Волк спящего Суслика поймал!— кричала она на лету.— И в своё логово утащил! На ужин оставил!..

Дошло это чёрное известие и до Хома. Он как раз вздремнуть собирался после обеда — по старому русскому обычаю.

Вначале Хома порадовался, что не его схватили. Затем расстроился, что Суслика поймали. Потом возликовал, что их обоих не сцапали! Если бы оба попались, тогда бы уж точно конец. Кто тогда выручит глупого Суслика?

Побрёл Хома к Волку. И будто назло, ни одной дельной мысли в голове нет, как непутёвого друга спасти.

«На месте разберусь»,— успокаивал себя Хома.

И правда, место иногда сильно помогает. Как-то Лиса, а не Волк, тоже поймала Суслика. Долго пришлось ловить, поэтому и обозлилась до чёртиков. Связала его и усадила на горке.

Отличное, видное место, прицельное, чтобы в пленника издали грушами-дичками прицельно бросать. Прекрасное развлечение, если, конечно, не в тебя кидают!

Один только раз Лиса в него грушей угодила, зато так метко, что он кубарем с горки до самой своей норы катился. А там уже Хома как на подхвате стоял. Успел впихнуть связанного друга в нору, и сам следом нырнул. Не растерялся.

Вот что значит удачное место!

Но и удачное время также большую роль играет.

Хома подкрался к Волчьему логову как раз вовремя. Волк пересчитывал на свету у входа свои металлические рублики. Вероятно, надеялся, что вдруг прибавилось. А может, вообще уважал порядок. Денежки счёт любят.

— Сколько? — громко спросил Хома из-за куста.

— Четыре рубля, — машинально ответил Волк и, вздрогнув, быстро закрыл деньги лапами. — Кто там?

— Я там, — храбро показался Хома.

Он хорошо понимал — Волк за ним не погонится. Денежки не бросит.

— Что тебе? — рыкнул Волк.

— Четыре рубля — не пять, — многозначительно заметил Хома.

— Не пять, — хмуро согласился Волк.

— Могу рубль дать.

— Кидай сюда — до кучи, — оживился Волк.

— Я с деньгами не хожу.

— Боишься, ограбят? — подмигнул Волк.

— Карманов нет.

— Понятно. И за щекой не носишь?

— И за щекой не ношу, — достойно ответил Хома.

— Думаешь, вытрясут?

— Проглотить могу, — объяснил Хома. — С испугу.

— Ясно. И где же твой целковый? — выпытывал Волк.

— А в норе.

— В твоей?

— Думаешь? — усмехнулся Хома.

— Я кого спрашиваю — в твоей норе? — прохрипел Волк.

— Не-а, — беззаботно ответил Хома.

— А где же?

— В норе у Суслика, — доверительно соврал Хома.

— А он об этом знает? — встрепенулся Волк.

— Ещё чего! — оскорбился Хома. — Я тайком у него спрятал.

— Похвально, — протянул Волк.

— Подальше положишь, поближе возьмёшь.

— Ладно. Что ты за свой рубль хочешь? Только не Суслика, — предупредил Волк.

— Нужен он мне! — отмахнулся Хома.

— А что тебе нужно? Давай меняться.

— Давай. Ты мне — два рубля, а я тебе — рубль.

— За рубль — два?! — несказанно поразился Волк.

— Твои, я видел, старые, тусклые. А мой новый, блестящий!

— Новый, говоришь?

— Сияет как новый.

— Взаправду новый или только сияет? — вскипел Волк.

— А я как сказал? — пожал плечами Хома. — И сияет, и новый. Сияет, потому что новый. А новый, потому что сияет. Как твои глаза!

У Волка глаза засверкали. Затем померкли.

— За два — один? Не пойдёт.

— Тогда до свидания, — повернулся было Хома.

— Стой! Куда ты?

— Домой к Суслику, пока он тут. Лишний раз полюбуюсь на свою монету. Заодно её и почищу — до зеркального блеска.

Незримый блеск желанной монеты буквально ослепил Волка!

— Ну, хочешь, — пробормотал он, — я тебе взамен подарю...

Он обернулся на своё логово и внимательно его осмотрел. Но ничего подходящего, кроме Суслика в тесном загончике, не углядел.

— Я тебе подарю... — опять напряженно пробормотал он.

— Может, мне хотя бы Суслика взять, раз большого выбора нет? — принялся вслух размышлять Хома. — Да только он мне ни к чему. Теперь у меня не одна, а две норы. В одной жить буду, в другой деньжата хранить. Ни за что не променяю эту привольную жизнь на какого-то жалкого Суслика!

— А я говорю, бери Суслика! — вскричал Волк, сразу забыв о своём прежнем условии, и стал его расхваливать: — Какой он толстенький, сытенький, пушистенький! Сам бы съел, да день-

ги нужны позарез. Одного меха с него на целую постель себе надёргаешь.

— Ну, если меха на постель,— заколебался Хома.

— А меня спросили?— вдруг донёлся негодующий вопль глупого Суслика.— Не позволю из меня мех дёргать!

— А тебя не спрашивают,— огрызнулся Волк.— Вот проглочу тебя и без меха!

Суслик враз успокоился. И больше ни гу-гу.

— Ладно, возьму твоего Суслика,— неохотно сказал Хома.— Я у него не только весь мех оборву, но и всю дурь вытрясу, чтобы его не хватали почём зря спящим!

— За свои деньги можешь с ним что угодно делать,— расщедрился Волк, не очень-то понимая, зачем Хоме понадобилась Сусликова дурь.

— И смогу,— сердито подтвердил Хома.— Ну, я пошёл?

— Подожди, пока я деньги припрячу,— заторопился Волк.

— Нет уж,— отказался Хома.— Сам его принесёшь и к нему в нору кинешь.

— Бережно положит, а не кинет!— снова истошно подал голос пленник.

— Цыц!— прикрикнул Волк.— Ну, кину я его тебе, а рубль ты взамен выкинешь?— засомневался он.

— Я, может быть, и самого Суслика заодно выкину,— мрачно пообещал Хома.

— Уговор дороже денег!— рявкнул Волк, глубоко убеждённый в обратном.

И Хома помчался домой.

Взял дома свою монету. Затем забрался в нору Суслика — и стал ждать.

Вскоре послышались быстрые Волчьи шаги.

— Суслик здесь. Принёс,— доложил Волк.—

А ты готов?

— Давно наготове,— откликнулся Хома.

— Может, сперва монету выбросишь?

— Деньги на ветер не бросаю,— скупое ответил Хома.

— А всё-таки?— настаивал Волк.

— Нашёл дурака!

— Нашёл,— гоготнул Волк.— Держи его!

Хома втащил друга за ноги в нору. И выкинул наружу монету.

Волк схватил её, потёр о мохнатый бок и пошёл восвояси, любуясь сверканием денежки.

— Волк, а Волк,— вылез из норы Хома,— сколько теперь у тебя?

— Ровно пять!

— А что ты на них купишь? В магазин в деревне тебя ведь не пустят.

Волк так и застыл на месте.

— Что ж ты раньше молчал!— провыл он.

— А ты меня раньше спрашивал, когда копил?

— А ты зачем рубль хранил, умный такой? Ты-то что купить собирался?

— Я уже купил, — рассмеялся Хома. — На рубль мало чего купишь. Кроме Суслика.

И, вернувшись в нору, весело посмотрел на безмолвного друга. Рублёвого Суслика.

— Одно разоренье с тобой, — сказал Хома. — Меху, что ли, с тебя на постель надёргать?..

КАК СУСЛИКУ ИМЯ ВЫБИРАЛИ

Спохватился Суслик, что у него имени настоящего нет. Всё Суслик да Суслик. Разве это имя? Вон Хома — кто? Хомяк. А имя у него есть.

У всех имя есть. Или хотя бы прозвище. Ёж не просто Ёж, а старина Ёж. Заяц и то не Заяц, а Заяц-толстун. Сразу ясно, о ком речь.

Пристал Суслик к Хоме: вынь да положь ему новое имя.

— Так что тебе нужно — имя или прозвище? — сдался, наконец, Хома.

— Мне всё равно. Лишь бы было точно, звучно и красиво.

— Дылда, — сразу придумал Хома. — Звучно?

— Ну, звучно, — разочарованно пробормотал Суслик.

— Точно? — настаивал Хома. — Кто выше меня?

— Ну, точно...

— Красиво?

— Нет, — вздохнул Суслик.

— Пожалуй, — согласился Хома, потому что уже другое имя подыскал. — Нарцисс!

- Что-о?
- Цветок такой, культурный, редкий. Звучно?
- Звучно.
- Красиво?
- Красиво.
- Точно?
- Нет,— опять вздохнул Суслик.— Какой я тебе культурный цветок?
- И правда,— признал Хома, внимательно посмотрев на него.
- Думай, думай,— требовал Суслик.
- Стручок!— внезапно выпалил Хома.
- Гороховый,— хмыкнул Суслик.
- А что! Длинный, красивый, вкусный.
- И без того хищники проходу не дают. Мне нужно точное имя, а не вкусное.
- Ну, оговорился,— примирительно сказал Хома.— Зато звучит как — Стручок!
- Я сказал — не нравится,— отмёл Суслик.
- Тогда — Билл. Красиво?
- Где там! Это собачье имя.
- Эдвард! Точно?
- Кошачье имя,— расстраивался Суслик.— Какой из меня Эдвард?
- Верно,— нехотя согласился Хома.
- Следующее имя никак не придумывалось.
- Пойдём к Зайцу-толстуну. Пусть он себе голову поломает,— чуть не свихнулся Хома.
- Пошли. Рассказали.
- Думай, Заяц,— попросил Хома.

— Думай, хорошо думай,— занудил Суслик. — Мне любое имя не надо. Мне на всю жизнь. Звучное, точное, красивое имя!

— Килсус,— неожиданно предложил Заяц.

— Кто-о?— оторопел Суслик.

— Суслик наоборот — Килсус. Точно?

Суслик пошевелил губами.

— Точно.

— Звучно? Килсус!

— Звучно-то звучно...

— Красиво?— настаивал Заяц.

— Нет,— покачал головой Суслик. — Самое лучшее имя ищи, Нутслот!

— Кто-кто? — опешил Заяц.

— Толстун — наоборот.

— Сам ты — наоборот! — рассердился Заяц-нутслот. — К Ежу идите. Пусть вам старина Ёж придумывает.

Хороший он совет им дал. Действительно, старина Ёж много жил, много видел. Наверняка много замечательных имён знает!

Нашли Ежа.

Выслушал он их. Выдернул у себя иглу и задумчиво почесал ею затылок. Тупым концом.

— Гигант! — вдруг произнёс он. — Звучно?

— Звучно! — просиял Суслик.

— Красиво?

— Очень красиво!

— Но не точно, — остановил их Хома.

Кому приятно, что твой лучший друг носит такое красивое и звучное имя — Гигант!

— А может, необязательно, чтобы точно было? — робко проговорил Суслик.

— Нет уж. Сам просил точное! Да и что это за имя? Ну, выйду я на луг и буду тебя звать. Гига-а-ант, Гига-а-ант, сюда-а! — закричал Хома, словно осёл.

Они не знали, что в эту минуту Лиса у норы остановилась и прислушалась.

— Кто гигант? Где гигант? — перепугалась она. И опрометью бросилась прочь.

— Покричу вот так, — продолжал Хома, — ты прибежишь, и все обхохочутся.

— Твоя правда, — потускнел Суслик.

— Правда всегда моя. Лучше оставайся со своим прежним именем — Суслик. Всё равно тебе, ветрогону, не угодишь.

— Как ты сказал?!— вскричал Суслик.

— Я ничего,— Хома даже отступил.

Но Суслик крепко схватил его за плечи и громко расцеловал.

— Спасибо, друг.

— За что?

— Имя нашёл. Точное, звучное, красивое.

— Какое?— тут и старина Ёж ошалел.

— Ветрогон!— гордо заявил Суслик.—

Так теперь меня и называйте. Ветрогон — значит, быстрый. Так ношусь, что ветер обгоняю!

— Когда это было? — удивился Хома.

— Вспомни, как я недавно от Лисы удираю!

И Суслик, с ветром наперегонки, умчался к Зайцу — хвалиться своим новым именем.

— Знаешь, Хома, — сказал старина Ёж, когда они остались одни, — ветрогон — значит, легкомысленный. То ли ветер в голове гуляет, то ли ветром его гоняет.

— Зато красиво и звучно.

— И до чего точно! — усмехнулся Ёж. — Точнее не скажешь.

— Кто придумал! — заважничал Хома.

Больше они об этом не говорили. Понравилось имя лучшему другу? Понравилось. Лишнее доказательство, что он ветрогон. Так ему, ветрогону, и надо!

Да только не прижилось это звучное, точное и красивое имя. Привыкли все Суслика Сусликом называть.

Жаль, они никогда не узнали, как перепугалась Лиса, когда Хома Гиганта позвал.

Так и не стал Суслик Гигантом.

А если вдуматься, красивое всё же имя — Суслик. Ласковое и точное. И очень звучное. Далеко звучит-разносится:

— Су-у-сли-и-ик...

КАК ХОМА В ЧУЖОМ ГЛАЗУ БРЕВНО ЗАМЕТИЛ

Попала как-то Хоме соринка в глаз. Суслик её не только заметил, но и вынуть помог.

Хорошее дело сделал. Зато уж и расхвастался перед всеми!

К Ежу пришёл:

— Я у Хомы соринку в глазу заметил и вынул!

Затем к Зайцу:

— Я у Хомы соринку из глаза убрал!

Даже Лисе крикнул издали:

— Я у Хомы соринку...

— Слышала,— недовольно прервала она.— Мог бы и не заметить, тогда и он бы меня не так замечал.

А уж перед самим Хомой Суслик до чего заносился!

Чуть что:

— Помнишь, слепота, как я соринку в твоём неосторожном глазу нашёл? Разве можно таким незрячим быть!— осуждал он.

До того он с этим надоед, что Хома всерьёз подумывал, не засорить ли себе нарочно глаза, а заодно и уши, чтобы только Суслика не видеть и не слышать.

Напрасно Хома надеялся, что Суслик вскоре забудет о своём подвиге. Ничуть не бывало. Каждое утро подступал к Хоме. И в глаза ему пытли-во заглядывал. Может, опять что-то есть?..

И так по нескольку раз в день.

А однажды и ночью разбудил. Склонился над ним сердито:

— Мне сон приснился, что ты, неловкий растяпа, оба глаза себе засорил. Ты же такой рассеянный, за тобой глаз да глаз нужен!

Ну прямо житья от лучшего друга не стало. Глаза бы его не видели!

И всё-таки есть на свете справедливость. Есть она, есть.

Шли Хома и Суслик по тропе через рощу — на Дальнее поле.

Суслик по вредной привычке нет-нет да и заглядывал Хоме в глаза: не видно ли там чего-нибудь новенького. Можно подумать, они всё время засоряются.

И Хома, совершенно случайно, тоже взглянул в глаза настырного друга.

Батюшки мои! Он мигом отшвырнул Суслика в сторону, и сам отскочил подальше.

Тут же с грохотом рухнуло здоровенное дерево — поперёк тропы. Гул по роще пошёл!

Это дерево давно здесь стояло засохшее. Бревно бревном.

Ни жив ни мёртв поднялся Суслик с земли.

— Я в твоём глазу вдруг бревно заметил, — тяжело дыша, сказал Хома. — Вижу, прямо на тебя падает!

— Оно в моём зрачке отразилось, да? — никак не мог прийти в себя Суслик.

— Оно бы на всём тебе отразилось, если б не я.

— А в твоих глазах не было видно, — переживал Суслик.

— В чужих ты любую соринку видишь, а в своих бревно не замечаешь.

После этого Суслик напрочь отвязался от глупой привычки — в чужих глазах мусор искать.

А ведь он уже и к старине Ежу, и к Зайцу-толстуну присматривался. Спас их Хома невольно от глазастого Суслика.

Никогда потом, ни в глаза, ни за глаза, не хвастался Хома своей удивительной зоркостью. И

не попрекал лучшего друга тем, что тот здоровенных брёвен в упор не видит.

Лишь иногда, когда Суслик принимался кого-то осуждать, Хома поглядывал на его гневные зрачки: нет ли там нового тяжёлого бревна.

А что, бывает!

КАК ХОМА НА НОГИ ВСТАЛ

Нравилось Хоме иногда поболеть. У больных времени свободного много. Капризничать разрешается. И кормят вкусно.

А ещё командовать можно над всеми, кто тебя любит: пойди туда, приди сюда, подай то, убери это.

Пока ты болен, что хочешь, то и делаешь. А близкие твои желания исполняют.

Все к тебе приходят с гостинцами. Улыбаются, соглашаются с тобою. И говорят тихо, ласково. Райская жизнь. Так бы всегда!

В один ненастный прекрасный день доктор Дятел поставил Хоме диагноз, что по-звериному означает — заключение врачом. Причём это заключение было не какое-то больничное, строгое, а домашнее, режимное. Домашний режим.

Дятел нашёл у Хомя всего лишь простуду на сыром ветерке. И велел — в норе пока посидеть, на волю ни ногой!

Теперь и отдохнуть можно вволю. Хочешь, спи. Не хочешь, не спи. Полная свобода!

А главное, теперь о еде думать не надо. Лежи и ешь, что другие принесут. Вкусненькое. Куда они денутся!

Это и называется — счастье.

Первым пришёл Заяц-толстун. Большую морковку притащил.

— Почему так мало? — болезненно спросил Хома.

— Вечером две доставлю, — пообещал Заяц.

— Три, — потребовал Хома. — А лучше — четыре!

— Четыре не потяну, — забеспокоился Заяц. — Крепко в земле сидят.

— Тогда хоть одеяло поправь, — тяжело вздохнул Хома. — Подушку взбей. Посуду помой. Паутину смахни. Нору подмети. И ещё чего-нибудь сделай, что я позабыл.

Затем старина Ёж навестил. Орехов полную сумку приволок.

— Почему они не лущёные? — тихо возмутился Хома. — Разгрызай, а мне ядрышки оставляй.

Суслик прибежал. С охапкой стручков гороховых.

— Где ты так долго шлялся? — печально сказал Хома.

— На Дальнее поле через рощу ходил. Так боялся!

— Надорваться боялся? — с укоризной взглянул на стручки Хома. — И это всё?

— Спешил. В следующий раз больше принесу, — заверил лучший друг. — Ты только побыстрей выздоравливай.

— Вчера заболел, а уже торопят, — пожало-

вался Хома. — Ну, скоро ты там? — оглянулся он на Ежа. — Орешков охота!

— А говорят, у больных аппетита нет, — фыркнул Ёж.

— Если б у меня аппетит был, — устало произнёс Хома, — вы бы так легко не отделались. Принёс орехи неочищенные, да ещё попрекает.

— Это я так, — смутился Ёж.

— А грибной супчик где?

— Будет, — успокоил Ёж.

— Учти, не простой суп-супец, а суперсуп.

— Будет тебе и супер, — согласился Ёж, стараясь не раздражать больного.

И уже к обеду суп был готов.

— Надеюсь, грибы не сушёные? — строго спросил Хома.

— Свежие-свежие, — уверял старина Ёж.

— Небось маслят положил?

— Одни белые.

— То-то!

Заяц с Ежом, вытянув шею, смотрели, как Суслик кормит больного с ложечки.

— Съешь за Ёжика, — уговаривал он Хому. — А сейчас за нашего Зайчика. А теперь за меня, за Суслика. Ну, пожалуйста.

— А ты сначала подуй, — то и дело требовал Хома, — подуй!

Царская жизнь у больного, век бы болеть. Лёгкой простудой, конечно.

До чего же все заботливые!

Сварит Суслик молодой картошечки в кастрюльке, голову Хоме полотенцем накроет.

— Дыши, — говорит, — над ней. От простуды помогает.

Снимет потом полотенце и удивляется, чужак этакий:

— Я ему подышать велел, а он всю картошку слопал!

— Значит, на поправку идёт, — довольно откликнется Заяц.

И тут же ему Хома скомандует:

— В рощу сбегай за лечебной малиной, мне потеть полезно. — А вдогонку: — Покрупней выбирай и послаще!

Но вскоре такая «малина» кончилась. И двух недель не прошло, как старина Ёж загадочно сказал:

— Надолго залёг, милоч?

— Это от меня не зависит, я очень болен, — блаженно улыбнулся Хома, предвкушая новые долгие деньки своей простудной болезни.

Снова появился доктор Дятел. Осмотрел бодро. Легонько простучал. И о чём-то зашептался с друзьями.

До Хома донеслось:

— Значит, три раза. Не забудьте, первый — сок подорожника, второй — малиновый сок, третий — сок одуванчика. И будет как новенький!

Больше Хома ничего не расслышал. Но не встревожился. И напрасно.

Доктор вышел, важно кивнув на прощание. И старина Ёж подступил к больному.

— Поскольку болезнь затянулась, то остаётся одно,— невозмутимо объявил Ёж,— уколы.

— Что???— подскочил на постели Хома.— Доктор про сок говорил!

— Держите его покрепче,— приказал Ёж. И выдернул у себя самую длинную иглу.

Заяц и Суслик навалились на Хому. И как они ни трепыхался, они ловко положили его на живот.

— По назначению доктора,— провозгласил старина Ёж, будто здравицу,— и-и — раз!

И всадил ему ниже пояса иглу, смоченную соком подорожника.

— У-у-у!— взвыл Хома и быстро заявил:— Здоров.

— Хорошо,— обрадовался Ёж.— А теперь с малиновым соком. Сейчас ты у меня попотеешь,— пообещал он.— По назначению доктора Дятла,— вновь провозгласил он,— и-и — два!

— У-у-у!— опять взвыл Хома, когда в него вонзилась новая игла.— Давно здоров. Отпустите!

— Отлично. А сейчас в третий раз. Закрепим успех соком одуванчика. По назначению доктора Дятла,— грянул старина Ёж,— и-и — три!

— У-у-у!— снова взвыл Хома.— Выздоровел! Выздоровел! Выздоровел!

— И чудненько, — благодушно заметил Ёж. — Живи и не болей.

— Чего вы здорового держите? — задёргался Хома.

Заяц и Суслик нехотя выпустили его.

— Ну и жизнь, — резво вскочил Хома. — Враз на ноги ставят. Поболеть не дают!

Но и друзей понять можно. Крутись тут с ним день и ночь, когда такое испытанное средство под рукой. У Ежа.

Всего три укола, и больной как новенький.

КАК ХОМА ЗАЙЦА БЕГАТЬ УЧИЛ

Хому страсть обуяла — учить всех и всему. От такого учителя не спасёшься.

Суслика он учил, как гороховые стручки рвать. А Ежа — как грибы на иголки насаживать.

И даже незнакомому кузнечiku однажды хотел показать, как надо прыгать. Да тот удрать успел. Так далеко сиганул, что, наверное, и сам удивился.

— Не успел ему объяснить, а уже достижение! — торжествовал Хома.

И что интересно, те, кого он настойчиво пытался учить, успехов достигли. Суслик стал рвать стручки лучше, а Ёж — собирать грибов больше. На то и учитель, чтобы никому поблажек не давать!

Ученики, конечно, сопротивлялись. Они не хотели учиться. Они оскорбительно кричали:

— Учитель выискался!

Но, по правде, ученики всегда и везде недовольны. У них одно на уме — скорей бы на свободу.

Да что там Суслик и Ёж, труднее всего пришлось Зайцу.

Хома взялся его в беге натаскивать. И не в простом беге, а с препятствиями. По пересечённой местности. Значит, не по ровному лугу, а по всяким рытвинам, впадинам и колдобинам. С перепрыгом через кусты и с перемахом через буераки.

Буераки — это небольшие овраги. Правда, смотря кому небольшие. Для маленького Хома — бездонные пропасти. Поэтому он их всегда обходил. Говорил, что не хочет унижать Зайца своим лихим мастерством.

А вообще, кто-нибудь видел, как зайцы бегают? Задние ноги у них длиннее передних, и они их резко заносят вперёд. Задняя пара ног будто пытается обогнать переднюю. Так могли бы сделать и кенгуру, если б сумели.

Хома терпеливо убеждал Зайца, что он неправильно бегают.

— Признайся, лошадь быстрее тебя?

— Быстрее, — признался Заяц.

— А почему?

— Не знаю.

— Она иноходью носится или галопом скачет, — важно сказал Хома. — Забыл, как в прошлом году по лугу кони скакали?

— Я тоже скачу.

— До чего ж непонятливый! Какой же это галоп, если ты задними ногами опережаешь передние? Понял?

— Понял, — тяжело выдохнул Заяц. — Отстань от меня по-хорошему, а?

— Надо чтобы Волк с Лисой от тебя отставали, а не я,— сурово заметил Хома.— Ты ведь не хочешь никому достаться на ужин?

— И на обед, и на завтрак тоже,— поспешно ответил Заяц.

— Вот и слушайся. Устанешь галопом скакать, беги иноходью.

— А как?

— Одновременно выноси обе правые или обе левые лапы. Пусть они бегут как бы попеременно.

Но Заяц как ни старался, не мог ничего освоить. Падая. Лапы у него заплетались.

— Был бы ты лошастью, я бы тебя вмиг научил,— в сердцах говорил Хома.

Но хуже всего обстояло с препятствиями. Если встречались низкие кусты, Заяц всё-таки брал их с разбегу. А вот перед буераками останавливался как вкопанный.

— Любое обучение не сразу даёт результат,— успокаивал его и себя тренер.— Когда-нибудь да проявится.

И точно. Как-то Заяц, понукаемый криками Хома, во всю прыть нёсся к широченному оврагу. Хома дал ему с утра задачку посложней. Если уж здесь Заяц не подкачает, то с простыми буераками справится и подавно.

И вдруг появился Волк! И стремительно бросился наперерез.

— Всё,— зажмурился Хома.

Когда он открыл глаза, Заяц уже удирает по другой стороне оврага. А Волк, не рассчитавший прыжок, барахтался в грязи на дне лощины.

— Поздравляю!— восторженно сказал Хома вечером Зайцу и пожал ему лапу.— Убедился?

— В чём?— спросил неблагодарный ученик.

— Как — в чём! Если бы ты не обучался иноходью бегать и галопом скакать, запросто бы очутился на дне оврага. Вместе с необученным Волком!

— Да я и не помню, как я бежал,— промямлил Заяц.— Ужасно перепугался!

— Ты не помнил, зато ноги помнили. Они поумнее тебя.

— А может, я сам по себе прыгнул,— неуверенно возразил Заяц.

— Раньше ты сам ни разу не мог,— усмехнулся Хома.— А будешь спорить, Волка бегать научу. Тогда ты у меня попрыгаешь!— пригрозил он.

Дальше он тренировать Зайца не стал. Можно переусердствовать и навыки сбить.

И хотя Заяц всё-таки продолжал бегать по-своему, по-заячьи, Хома был уверен, что усвоенные знания обязательно снова вспомнятся. Был уже случай.

Лучший друг Суслик однажды спросил:

— Хома, а птиц ты летать не учил?

Хома с интересом посмотрел на небо:

— Высоко летают, не подступишься. А то бы...

КАК ХОМА СВОЮ СЧАСТЛИВУЮ ЗВЕЗДУ ПОДАРИЛ

Привык Хома ссылаться на то, что он старше Суслика. Поэтому, мол, и знает больше.

Хома и правда знал гораздо больше. Это «гораздо» прямо-таки угнетало лучшего друга.

Как-то вечером сидели они возле своих нор и на звёздное небо глядели. А высоко в небе то и дело вспыхивали огненные чёрточки. Словно там, далеко-далеко, беззвучно чиркали и горящие спички бросали.

— Что это? — притих Суслик. — Давно хотел спросить, да всё некогда.

— Звёзды падают, — задумчиво сказал Хома.

— Большие?

— Разные.

— Крупнее меня?

— Сам разве не видишь, что меньше!

— А почему они падают? — не отставал Суслик.

Хома молчал.

— Вон ещё одна упала! — вскрикнул Суслик и опять заладил: — Почему? А?

— Всё. Загадал, — довольно улыбнулся Хо-

ма. — Говоришь, почему? Чтобы все, кто успеет, могли желание загадать.

— Какое?

— Любое.

— Что ж ты мне раньше не сказал? — разволновался Суслик. — Знал бы ты, сколько у меня всяких желаний!

И вновь уставился на небо.

Но звёзды, как назло, больше не падали.

— Я, может быть, только из-за тебя несчастливый, — заныл Суслик. — Столько звёзд за свою жизнь упустил!

— Во-во! Помню, как ты их своим загребушим ведром ночью в ручье зачёрпывал.

— Это другое дело, — пылко возразил Суслик. — Те мне были нужны для освещения, а эти — для желания. А ты-то сейчас успел загадать?

— Сказал же — успел.

— Всегда так, — расстраивался Суслик. — Только для себя, а для друга тебе и падающей звезды жалко.

И тут, совсем низко, ярко вспыхнула следующая звезда и канула куда-то за край рощи.

— Загадал! — радостно воскликнул Суслик.

А Хома зачем-то поправил на земле сухой прут. Посмотрел придирчиво и снова поправил.

— Ты чего?

— Направление засекаю. Видишь, прут острим концом указывает, куда она полетела, — разъяснил Хома.

— Ну, упала — и что?

— Завтра утром пойду искать. Такое поверье: кто отыщет звезду упавшую, тот своё счастье найдёт.

— Что ж ты мне загодя не сказал? — снова расстроился Суслик. — Выходит, я желание загадал, а ты моё счастье найдёшь?!

— Не твоё, а моё, — оборвал его Хома. — Я тоже желание загадал. На счастье.

— Как же так? — опешил Суслик. — На одну звезду — два желания?

— Хоть сто! — отмахнулся Хома. — Эту низкую звезду все видели. И почти все желание загадали.

— Как же так? — повторил Суслик. — А кому ж тогда счастье привалит?

— Неизвестно. Наверное, тому, кто самым первым её увидел.

— А как это определить?

— Никак. Ждать надо. Кому вдруг счастье выпадет, тот, значит, первым и увидел. Точнее не определишь.

— А почему ты решил за звездой пойти?

— Чтоб наверняка. Ещё и другое поверье есть: найдёшь упавшую звезду — опередишь всех, кто её видел. И тогда на Новый год твоё желание непременно сбудется.

— Точно?

— Точно. Поэтому в Новом году все друг друга и поздравляют: «С новым счастьем!»

— Мы тогда спать будем, — приуныл Суслик. — Про зимнюю спячку забыл?

— Да хоть бы и забыл, — ответил Хома, — счастье меня не забудет, если я звезду отыщу.

Тут к ним прискакал Заяц-толстун.

— Падающую звезду видели? — с ходу начал он. — Низко-низко пролетела.

— Что я говорил! — взглянул на Суслика Хома. — Кто её только ни видел! Нет, обязательно надо всех опередить.

Ночью Суслик спал плохо. Хоме завидовал. А завистники всегда плохо спят.

Одно утешало — не отыщет Хома его звезду. Может, она вся сгорела. Или так: увидит, но не узнает, что это она. Как её узнать? Никто никогда упавших звёзд не находил. Об этом давно бы везде кричали.

Но потом Суслику стало стыдно. Разве можно другу на счастье несчастья желать! А ведь он уже хотел было — ясно, из чёрной зависти — пойти и прутик в другую сторону повернуть. Вот до чего зависть доводит!..

Утром Хома определил по лежащему пруту направление — и отправился в путь.

Суслик и Заяц проводили его до роши и домой вернулись. Опасное это дело — счастье искать.

«Вероятно, там, на небе, справедливо решают, кому его дать», — подумал Суслик.

Раньше он завидовал Хоме, а теперь нет. Тут тебя и Лиса, и Волк, и Коршун с приятелем Кобчиком вдруг по пути перехватят! Невелико счастье.

Жаль даже, что такие мысли поздно возникли. Но Суслик успокаивался тем, что Хома всё равно бы пошёл. Нипочём не отговоришь, если он что-то решил.

А Хома тем временем шёл и шёл напрямик. Иногда он разные преграды обходил: упавшие деревья, лужи и ямы. Но с правильного пути не сбивался. Хомяки это умеют не хуже кошек.

Многих опасностей он избежал.

Едва на Лису не наткнулся, пришлось долго под опавшей листвой отлёживаться.

Чудом от Волка схоронился под корнями старого вяза.

Коршуну в когти чуть не попал, успел в колючих кустах шиповника спрятаться.

Непростое занятие — упавшие звёзды разыскивать. Счастье само собой в руки не даётся. Его заслужить надо.

Зато и награда ему выпала великая в конце пути.

Уже за полдень перевалило. Пора было назад поворачивать, чтобы засветло вернуться. И тут, за дорогой, в овражке, среди давних, выброшенных и засохших елок — ярко засверкала золотистая звезда!

Именно такой он её себе и представлял. С остроконечными лучами во все четыре стороны!

Она была большая. Больше него, Хомя. И оказалась совсем остывшей и удивительно легкой.

Он взял её и понёс домой. И всё время думал, что делать, если хищники вновь появятся. С ней ведь не спрячешься.

Но она хранила его.

И Лиса, и Волк, и Коршун, завидев Хомя с блестящей звездой, не посмели к нему приблизиться.

Он гордо выступал, подняв её над головой как флаг. Она так и сияла на солнце, рассылая ослепительные лучи.

Один такой лучик уколол Лису прямо в глаз.

— Скорее проходи!— зажмурилась она.

— Не пойму, что это у него?— опасливо пробормотал Волк.— Попробуй его тронь. Дуракам счастье.

Видимо, всё же догадался, в чём дело.

И Коршуна в небе лучи той звезды настигли. Он сослепу столкнулся на лету со своим приятелем Кобчиком.

Всех переполошил Хома.

Что там враги! Даже друзья, Суслик и Заяц, отшатнулись, когда он со звездой появился. Затем от восторга запрыгали.

— Нашёл!— ликовал Суслик.

А Заяц восхищённо рассматривал звезду и говорил:

— Вот бы её на Новый год в рощу на верхушку ёлочки!

— Из чего она сделана?— осторожно пощупал Суслик.— Железо не железо, бумага не бумага, материя не материя.

— Материя,— глубокомысленно сказал Хома.— Небесная материя. Вечная.

— А может, звезду вновь на небо забросить?— пожалел её Суслик.

— Легко тебе чужими находками швыряться,— ответил Хома.— Раз упала, значит, на счастье.

— Созрела,— кивнул ушастой головой Заяц.— Спелые яблоки тоже падают.

— Теперь я понимаю, зачем на небе столько

звёзд понавешано, — заявил Суслик. — Всё время падают — много надо.

— Вот бы её на ёлочку в Новый год! — мечтательно повторил Заяц.

Хома посмотрел, посмотрел на него. И неожиданно сказал:

— Держи.

— Что ты! — отказался Заяц. — Своё счастье отдаёшь?

— Не позволю, — запретил Суслик.

— Мы же зимою спим, — загрустил Хома. — Пусть хоть он под счастливой звездой Новый год встретит.

— И обязательно скажет тогда: «С новым счастьем, Хома!» — потребовал Суслик.

— Ага, — подтвердил Хома. — Громко скажет: «С новым счастьем, Хома и Суслик!»

— И Ёж, — вспомнил растроганный Заяц. — Вот так: «С новым счастьем, Хома, Суслик и Ёж!»

— Мы в норе спать будем, а он в снегу Новый год встретит, — позавидовал Суслик. — Удачник он, Заяц. Наверняка раньше нас эту звезду заметил!

Счастливая звезда сама к нему как с неба свалилась.

Никто не знал, что она была сделана из блестящей золотистой фольги.

Но ведь эта ёлочная игрушка и вправду была для них Небесной звездой!..

СОДЕРЖАНИЕ

К ак Хома колдовал	3
К ак Хома и Кабан над Лисой хохотали	13
К ак Хома другим ямы рыл	22
К ак Суслик цветы обидел	27
К ак Хома с Медведем породнился	31
К ак Хома Суслика у Волка купил	39
К ак Суслику имя выбирали	49
К ак Хома в чужом глазу бревно заметил	55
К ак Хома на ноги встал	59
К ак Хома Зайца бегать учил	66
К ак Хома свою счастливую звезду подарил	71

Литературно-художественное издание

Иванов Альберт Анатольевич

**СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА
ХОМЫ И СУСЛИКА**

СКАЗКИ

*Для детей дошкольного и
младшего школьного возраста*

Главный редактор **Е. Знак**

Художественный и технический редактор **Г. Емец**

Корректор **М. Ходыко**

Изготовление оригинал-макета **Л. Никулина**

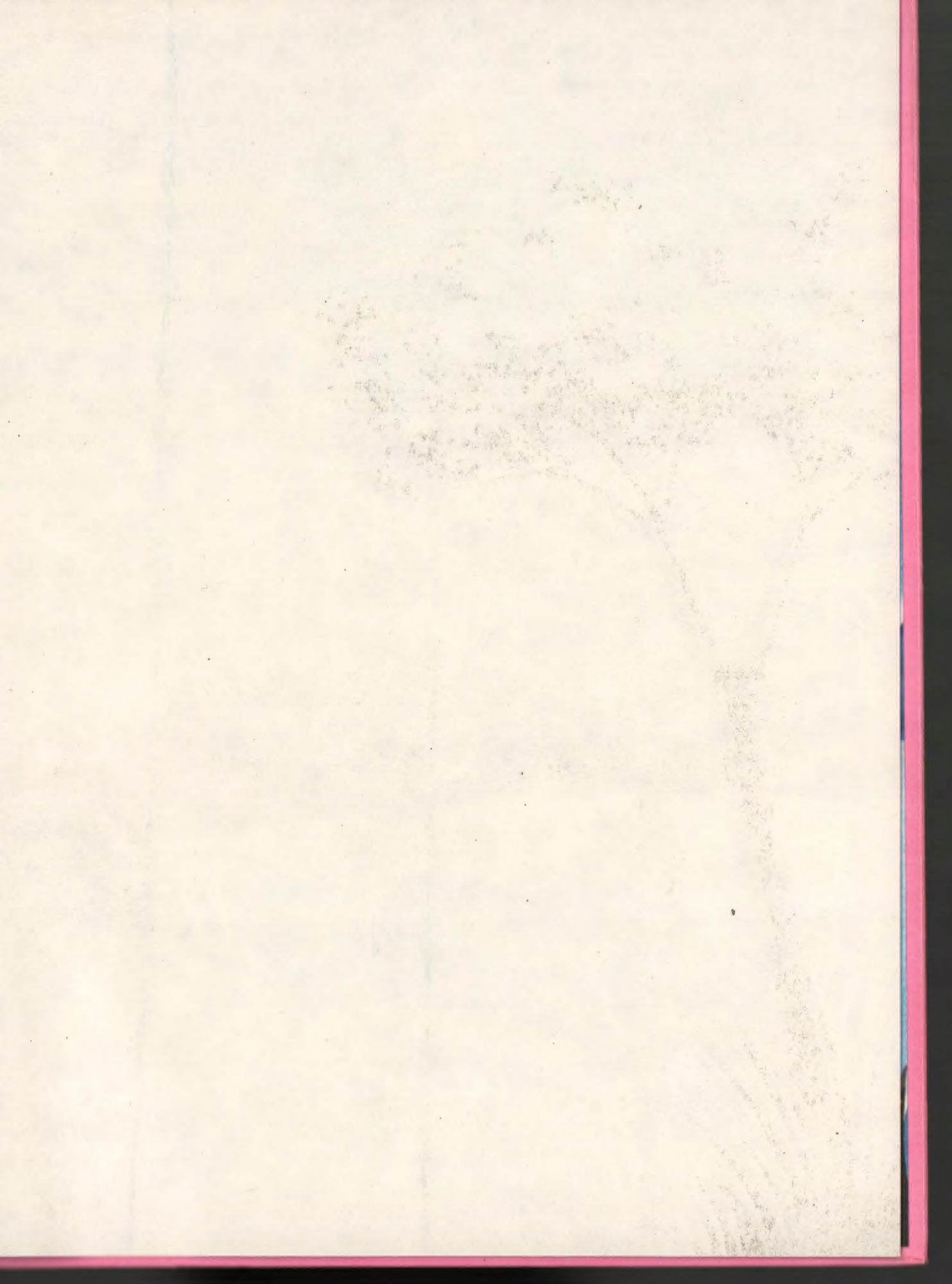
Ответственный за выпуск **М. Кислякова**

Подписано в печать 20.07.98. Формат 84x108¹/₁₆. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Усл. кр.-отт. 33,6. Уч.-изд. л. 4,44. Тираж 15000 экз. Заказ 4163.

Издатель Минская фабрика цветной печати. Лицензия ЛВ № 128 от 31 декабря 1997 г.
220024, Минск, Корженевского, 20.

Издательство «МЕТ». Лицензия ЛВ №55 от 01.10.97. 220005, Минск, ул. Красная, 13.
Контактный тел. 233-21-42.

Отпечатано с диапозитивов заказчика на Минской фабрике цветной печати
Госкомитета Республики Беларусь по печати. 220024, Минск, ул. Корженевского, 20.

Дорогие ребята!

Хома и Суслик вошли в число самых известных и любимых героев детских книжек в нашей стране.

И не только книжек, но и мультфильмов. Этим они обязаны человеку, который придумал их такими милыми, смешными, находчивыми и добрыми.

Зовут этого человека Альберт Анатольевич Иванов. Замечательный, известный всей стране детский писатель, подаривший нам множество прекрасных книг и ставший другом миллионов ребят, отметил в этом году своё 60-летие. Давайте от всего сердца поздравим доброго сказочника с этой славной датой, пожелаем ему здоровья и счастья и попросим у него побольше новых сказок, в том числе и с дальнейшими приключениями Хома и Суслика, которые, без сомнения, желают того же!

ISBN 985-6008-78-6

9 789856 008781